

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ АНТРОПОВ

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск)

Ворожю кусты одного древнерусского поучения, или Семантический вес запятой

В статье анализируется фрагмент текста древнерусского поучения из Сборника 1491 г., содержащий словосочетание *ворожю кусты*, в которое первый исследователь текста А.И. Соболевский ввел запятую, что привело к неправильной трактовке семантики словосочетания. Устанавливается, что с наименованием *кусть* этого поучения не соотносятся аналогичные номинации Галицко-Волынской летописи. Появление лексемы *кусты* в поучении вместо весьма вероятного *куксы* обусловлено трансформационным творчеством переписчика текста.

Ключевые слова: древнерусские поучения против язычества, Сборник 1491 г., *ворожю кусты* / *ворожю, кусты*, вредоносная магия, А.И. Соболевский.

Сто лет назад, а именно, в 1913 году, Алексей Иванович Соболевский опубликовал в “Русском филологическом вестнике” статью, вернее, содержательную рецензию на новые выпуски этимологических словарей Эриха Бернекера (гейдельбергский “*Slavisches etymologisches Wörterbuch*”) и Александра Григорьевича Преображенского (московский “Этимологический словарь русского языка”), включающую серию существенных дополнений (всего их 39) к ряду заглавных статей этих лексикографических источников. В их числе оказалась и заметка *Кудесь. Кусть* [Соболевский 1913, 90–91]. Отмечая, что значение *кудесы* (*бити*), связанного с др.-русск. **кудесникъ* ‘чародей, колдун’, неясно¹, автор констатирует далее: “Точно также неясно и значение др. р. *кусть*, которое мы находим в одном древнерусском поученьи, в следующем месте: «пкорнье (*ь = е*) и послушанье отгонита зависть, клевету, хулу, ерьсь, лихоиманье, рѣзоимство, изгойство, обретенье (?), объяденье, пьянство, идоломоленье, чяродѣйство, наузоношенье, вольхованье, **ворожю, кусты** [выделено мною. – Н. А.], рожаничную (= рожаницамъ) тряпезу, мольние коровайное (= короваю), повѣданье навемъ, оканая желѣнья и каранья (= причитанья, вопли?)»” [там же, 90]. Эту неясность семан-

тики др.-русск. *кусть* подтверждает, по мнению Соболевского, также летописный рассказ из Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку о поездке князя Даниила Галицкого к Батыю в 1250 г., в котором повествуется о загадочном обычае татар, когда приезжающих в его ставку “водяше около *куста*” с целью поклонения предкам (здесь со знаком вопроса)². В заключении своей заметки Алексей Иванович делает примечательный вывод: “Трудно думать, чтобы в поученье и в летописях слово *куст* имело значение современного русского *куст*. Летописное *куст* как будто означает какое-то сооружение (вроде жертвенника?), связанное с почитанием предков” [там же, 91]³. Соединение в одном тексте (части рецензии) обоих *кустов*, то есть номинаций приведенного фрагмента древнерусского поучения и нарратива Галицко-Волынской летописи, не может не привести к выводу, что оба они по умолчанию семантически связаны — во всяком случае, по мнению автора публикации. Между тем эта связь вовсе не очевидна. Ученый цитирует (в целом точно и с объяснениями в скобках некоторых наименований) второе предложение до “отгонита же” “Слова святыхъ отецъ от святыхъ апостолъ” из приобретенного Императорской Публичной библиотекой сборника 1491 г. [Отчет 1900, 110–111]. Вот его полный текст:

*Покорнье и послушанье ражаеть всакую добродѣтель: вѣру, любовь, миръ, милостыню, братолюбье, постъ, молитву, странноприимство, нищелюбие. Покорнье и послушанье отгонита зависть, клевету, хулу, ерьсь, лихоиманье, рѣзоимство, изгойство, обретенье, обядаенье, пьянство, идоломоленье, чяродѣйство, наоузонашенье, волх(в)ованье, **ворожю кусты** [выделено мною. – Н. А.], рожаничную трапезу, мольние коровайное, повѣданье навемъ, оканая желѣнья и каранья; отгонита же въ пирехъ плясанья и пѣнья неподобная женьска и отгонита бубны и сопѣли, нечистыя козиць и всякия игры бѣсовския, коцуны и басни и вся съблазны.*

Нельзя не отметить, что в словосочетании “ворожю кусты” А.И. Соболевский разделил лексемы запятой⁴, а второе слово выделил курсивом — “ворожю, *кусты*”. Это, конечно, решительно изменяет смысл фрагмента, поскольку *кусты* в интерпретации Соболевского — это Вин. мн., а в реальном словосочетании отглагольное *ворожю* (здесь Вин., но речь идет, разумеется, обо всех его падежных формах) коррелирует с Тв. зависимого существительного, что и манифестировано формой мн. ч. *кусты*, то есть в оригинале⁵ речь идет о запрете на ворожбу какими-то *кустами* (= с помощью неких *кустов*) как предметных атрибутов вредоносного, колдовского действия. Понятно, что и в этом случае семантика наименования *кусть/кусты* не является ясной, но сферу поиска все-таки существенно ограничивает.

Перечни осуждаемых православной церковью грехов известны в ряде вариантов и в памятниках самого различного характера, что позволило Н.М. Гальковскому предположить здесь литературную традицию, идущую от Библии и святоотеческой литературы [1916, 356, 370]. Однако исследователь древнерусских языческих реликтов замечает далее, что “в перечне грехов весьма трудно установить литературную зависимость. Составители слов по своему усмотрению то сокращали, то продолжали исчисление грехов, вряд ли всегда руководствуясь при этом какими-либо особенными соображениями, или же эти соображения для нас остаются непонятными” [там же, 366]⁶. Это естественным образом приводило к внесению тех или иных поправок или дополнений в текст с опусканием отдельных мест, но чаще к прямому его переделыванию. Следствием же такого свободного отношения к переписываемому тексту являлось то, что “с течением времени одно и то же слово появлялось в нескольких видах, близких по мысли и не всегда сходных по выражению” [там же, 369].

Похоже, именно это произошло с *кустом* поучения, на которое обратил внимание А.И. Соболевский. И как раз здесь “одно и то же слово”, по Гальковскому, трансформировалось и переосмыслялось. Полагаем, что об этом свидетельствует наиболее близкое по тексту приведенному поучению из сборника Публичной библиотеки часть с перечнем грехов в “Слове некоего христолюбца и наказание отца духовного (о покорении и послушании)”, впервые опубликованное Н.К. Никольским [1907, 113] (не очень точно повторено в [Гальковский 1916, 370]), которое содержит в интересующем нас месте следующий пассаж (и, кстати, с рядом трансформаций оригинального текста):

*<...> покореніе послушаніе, ꙗгоните ꙗ соба завѣсть, ненавѣсть, клеветоу, хоулоу, ересь, лихоиманіе, рѣзоиманіе [финаль именно в таком виде. — Н. А.], грабленіе, мьз(д)оиманіе, иꙗгубьство, обрѣтеніе, объаженіе, пѣанство, идоломоленіе, чаротвореніе наоузы⁷. вольхвованіе, **ворожа. кꙗксы** [выделено мною. — Н. А.], рожаничноую трапезоу, моленіе короваиное, повѣданнаа вамъ, ѡканнаа желенѣя (?) [знак вопроса, надо думать, принадлежит публикатору. — Н. А.], и караніа <...>, —*

в котором выделенное *куксы*, как следует из дефиниции [СРЯ XI–XVII 8, 113], — это ‘языческий обряд оплакивания покойника (?)’. Однако словарь в данном случае опирается только на единственную иллюстрацию, именно из “Слова некоего христолюбца...”, приведенного в соответствии с публикацией Н.К. Никольского, а также со ссылкой на якобы родственное в соседнем столбце *кушение* ‘действие того, кто плачет, оплакивает кого-либо’. Предложенное словарное значение *куксы*,

конечно, очень сомнительно и, во всяком случае, никак не выводимо из оригинала, в котором лексема не имеет никакого относящегося к ней окружения (конечно, на первый взгляд, то есть без анализа и семантической реконструкции выделенного словосочетания). Более чем сомнительна и родственность пары *куксы* — *кукшение* в значении языческого (пусть даже и со знаком вопроса) либо обычного оплакивания. Безусловно, вторая лексема пары связана с первой, но только выступающей в единственном числе, то есть с *кúкса* ‘плакса’ и ее глагольным продолжением *кúкситься* [Фасмер 2, 407].

А вот в отношении лексемы *куксы* из “Слова некоего христороубца...” можно говорить только о том, что это наименование представляет собой форму множественного числа от другого известного восточнославянского (но, судя по всему, тяготеющего к западу) *кúкса* с семантикой *косы* типа ‘заплетенная и закрученная коса (на голове)’, которое О.Н. Трубачев возводил к **kukosa* — суффиксальному производному от **kuka* [ЭССЯ 13, 92]⁸. Как раз подобные *куксы* могут рассматриваться в качестве элементов вредоносных действий и, таким образом, стать объектом осуждения со стороны церкви, что подтверждается различного рода *завитками* в традиционной народной культуре восточных славян (в частности, аграрной магии) — в связи с действиями завивания, заплетания, закручивания и под.; см., например, [Плотникова 1999; Плотникова 2004].

Изложенное приводит к выводу, что словосочетание “ворожую *кусты*” из “Слова святых отец от святых апостолъ” Сборника 1491 г. вполне может быть трансформацией “ворожую *куксы*”, осуществленной переписчиком текста (но только с учетом возможного — хотя и нередкого — пересечения/смешения с формой Тв. мн. склонения на *ѣ, так как в “нормальном” виде должно быть, безусловно, *куксами*), и не связано, вопреки А.И. Соболевскому, с номинацией *кусть* Галицко-Волынской летописи. Связь же такого *куста*-трансформа с волосами подтверждается также еще одним фрагментом из древнерусского памятника “Епистолия на римляны” (или “Сказание о 12 апостолах, о латине и о опресноцех”), опубликованного А.Н. Поповым, на который в сноске ссылается Соболевский: “и власть *встриженник ксть коустъ*” с вариантом “*кже власть осъстриженькмъ плѣшь*” ([Попов 1875, 204; Соболевский 2006, 367]; второй фрагмент исправлен здесь в соответствии с публикацией в [Баранкова 2009, 86]). Но как раз этот второй вариант с *плешь* является первичным, так как взят из краткой редакции памятника — самого раннего его пергаменного списка конца XIV либо начала XV вв. [Баранкова 2009, 72]⁹; таким образом, и в данном случае *куст*

вторичен и появляется как результат переосмысления отдельных фрагментов текста его переписчиком, вследствие чего также несет в себе явные следы семантической ущербности.

Изложенные выше наблюдения позволяют, как представляется, сделать выводы о том, что, во-первых, соотнесение А.И. Соболевским номинаций *кѹстъ/коѹстъ* Галицко-Волынской летописи и *кусты* поучения в составе “Слова святыхъ отецъ от святыхъ апостолъ” является формальным в силу семантической разнородности и связано с неточным прочтением (из-за введения запятой в словосочетание *ворожю кусты*) фрагмента текста, во-вторых, появление второй лексемы словосочетания в анализируемом поучении обусловлено когнитивным (трансформационным) творчеством переписчика текста, и, наконец, в-третьих, вполне вероятно, что выбор переписчиками номинации *кустъ/кусты* в качестве субститута наименований *кукса/куксы* (гипотетического) и *плешь* (реального) не является случайным, а обусловлен пока не выявленными — или скрытыми — семантическими сегментами древнерусской лексемы *кустъ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно об этимологической проблематике праславянского **kudo* и его дериватов пишет О.Н. Трубачев в [ЭССЯ 13, 81–84].

² Возможность соотнесения номинаций *кустъ/кѹстъ/коѹстъ* из Галицко-Волынской летописи (прежде всего с несколько более ранними записями об убиении в ставке Батгя князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора в 1246 г. и данными ряда фрагментов, содержащих лексему *кустъ*, иных памятников древнерусской письменности) не с предполагаемым татарским, а с западнополесско-белорусским весенним (обычно троичным) ритуально-обрядовым комплексом “вождения Куста” и обрядовым термином *Куст* исследована нами в отдельной публикации, см. [Антропов 2014]. Здесь констатируется, что вероятность корреляции анализируемых наименований является достаточно высокой в рамках реконструируемой ареальной схемы: микроареал “кустового” обряда в селах Чечерского р-на Гомельской обл. Беларуси — историческая Черниговщина. См. также [Антропов 2013].

³ В примечании к недавно переизданной рецензии составитель сборника трудов А.И. Соболевского по истории русского языка В.Б. Крысько специально отмечает: “29. Размышления Соболевского оставлены без внимания в позднейших этимологических словарях; в СРЯ XI–XVII 8 (145), однако, даны две статьи: *кустъ*¹ ‘куст’ и *кусть*² ‘предмет поклонения в языческой религии татаро-монголов’ (?)” (с отсылкой к [СРЯ XI–XVII 8]; цит. по: [Соболевский 2006: 612]). Следует, однако, уточнить, что хотя содержательная часть рецензии действительно не нашла отражения “в позднейших этимологических словарях”, ссылку на нее один словарь все-таки содержит, см. [Фасмер 2, 432].

⁴ Понятно, что в древнерусском тексте памятника знаки препинания по преимуществу (или даже совершенно) отсутствуют, и их расстановка в “Отчете...” Публичной библиотеки принадлежит, вероятно, его составителям. К сожалению, нам неизвестно, публиковался ли когда-либо оригинал поучения.

⁵ Он, кстати, судя только по этой форме, оказывается значительно старше конца XV в.

⁶ См. также с. 369, где в качестве источника пополнения перечня грехов упоминаются индексы отреченных книг.

⁷ Между прочим, совершенное аналогично обсуждаемому *ворожю кусты* с Тв. мн. второго существительного словосочетание *чаротвореніе наоузы*, т. е. наведение чар/порчи *наоузами* — здесь специально, во вредоносных целях завязанными узлами, с их магической помощью [Срезневский 2, 343–344]; о культурной семантике узла/узлов подробно см. [Валенцова 2012].

⁸ Иные точки зрения на этимологию представлены в [ЭСБМ 5, 151]: см. *кўкса*¹ ‘кукла, валасы, закручаныя на патыльцы’, где предполагается контаминация *кукла* и *кукса*² ‘астатак пакалечанай рукі, нагі’ (здесь, к сожалению, при упомянутом отсылочном *кукла* отсутствует цифровое указание на то, какую именно статью из четырех, т. е. *Кўкла*^{1–4} [там же, 150], следует привлечь, однако, судя о семантике, это либо *кукла*³ ‘род жаночай прычоскі’, что, скорее всего, и имел в виду автор статьи В.В. Мартынов, либо *кукла*¹ ‘звязка нячэсанага льну, залом’ — на наш взгляд, более предпочтительное), — и [ЕСУМ 3, 130]: см. *кўкса*² ‘заплетена і закручена на голові жіноча коса’, которое И.А. Стоянов сложным образом связывает с *кўчма* ‘копица волосся’.

⁹ Есть, однако, основания “констатировать существование краткой редакции памятника, по крайней мере, уже в XIII в.” [Баранкова 2009, 76].

СЛОВАРИ

ЕСУМ 3 = Мельничук О.С. (голов. ред.), *Етимологічний словник української мови*, т. 3 (Кора – М). Київ, 1989.

Срезневский 2 = Срезневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 2 (Л — П). Санкт-Петербург, 1902.

СРЯ XI–XVII 8 = Филин Ф.П. (гл. ред.), *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 8 (Крада — Лящина). Москва, 1981.

Фасмер 2 = Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, т. 2 (Е — Муж). Москва, 1967.

ЭСБМ 5 = Мартынаў В.У. (рэд.), *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 5 (К — Л). Мінск, 1989.

ЭССЯ 13 = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 13 (*kroměžigъ — kužiti). Москва, 1987.

ЛИТЕРАТУРА

Антропов Н.П., 2013: “*Вождение Кўста*” в контексте проблематики белорусско-инославянских (/неславянских) этнолингвистических соответствий:

- доклад на XV Международном съезде славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Минск.
- Антропов Н.П., 2014: Соотносимы ли западнополесско-белорусский обрядовый *Куст* и аналогичные номинации Ипатьевской летописи?, in *Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования*. Frankfurt am Main (в печати).
- Баранкова Г.С., 2009: Текстологические и языковые особенности антилатинского апокрифического памятника “Сказание о двенадцати апостолах, о латине и о опресноцах”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета*, I (Богословие. Философия), 3, 67–92.
- Валенцова М.М., 2012: Узел, in Толстой Н.И. (общая редакция), Толстая С.М. (отв. ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах*, т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). Москва, 357–360.
- Гальковский Н.М., 1916: *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси*, том 1. Харьков.
- Никольский Н.К., 1907: Материалы для истории древнерусской духовной письменности: №№ I–XXIII, *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, том 82, № 4. Санкт-Петербург, 1–168.
- Отчет 1900: *Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1896 год*. Санкт-Петербург.
- Плотникова А.А., 1999: Завивать, in Толстой Н.И. (общая редакция), Толстая С.М. (отв. ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах*, т. 2: Д — К (Крошки). Москва, 232–233.
- Плотникова А.А., 2004: Крутить(ся), in Толстой Н.И. (общая редакция), Толстая С.М. (отв. ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах*, т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). Москва, 12–15.
- Попов А.Н., 1875: Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). Москва.
- Соболевский А.И., 1913: Из истории русского словарного материала. По поводу новых выпусков этимологических словарей Э. Бернекера и А.Г. Преображенского, *Русский филологический вестник*, т. 70, вып. 1, № 3. Варшава, 77–99.
- Соболевский А.И., 2006: Из истории русского словарного материала. По поводу новых выпусков этимологических словарей Э. Бернекера и А.Г. Преображенского, in Крысько В.Б. (сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ.), in *Труды по истории русского языка*, т. 2. Статьи и рецензии. Москва, 357–372.

NIKOLAJ ANTROPOV

*Ворожю кусты from an Old Russian Homily
or the Semantic Weight of a Comma*

This paper analyses a fragment of an Old Russian homily from a Corpus of Homilies dating back to 1491. It comprises a word combination “*ворожю кусты*”, which Alexei Sobolevsky, the first researcher of the text, had separated by a comma, causing a misin-

terpretation of the fragment. It has been determined that the lexeme *кусты* found in the Galician-Volhynian Chronicle is unrelated to the one found in the homily. Therefore, this lexeme could be replacing what originally was *куксы*, appearing as a result of creative copying.

Keywords: Old Russian homilies against paganism, word combination *ворожю кусты* with and without a comma, its semantics, possibility of lexeme substitution *кусты/куксы*.

NIKOLAJ ANTROPOV

***Ворожю кусты* iš vienos senosios rusų homilijos, arba
Semantinis kablelio svoris**

Straipsnyje analizuojamas žodžių junginys *ворожю кусты* iš vieno senąja rusų kalba parašyto homilijų rinkinio – *Izbornik* (1491 m.). Analizuodamas junginį, žymus rusų kalbos istorikas A. I. Sobolevskis perskyrė junginio dalis kableliu, dėl to atsirado klaidingų šio junginio interpretacijų ir aiškinimų. Analogiškos nominacijos Galicijos–Volynės metraštyje ir kituose senosios rusų kalbos tekstuose nėra susijusios su pavadinimu *кусты* šioje homilijoje. Leksma *кусты* atsirado vietoj labai tikėtino *куксы*, o ši klaida greičiausiai atsirado dėl perrašytojo kognityviosios sistemos.

Reikšminiai žodžiai: senosios Rusijos homilijos prieš pagonybę, žodžių junginių *вороژیю кусты* / *вороژیю, кусты* semantika, substitucija *кусты* / *куксы*.

E-mail: antropov50@gmail.com

Поступило в редакцию: 4 мая 2014 г.

Принято к печати: 10 июня 2014 г.